

Сон, который Чи Нин попросил злого бога Юаня наслать на нового императора, основывался на картине Хэлана — том самом портрете прекрасной незнакомки со спины. набросок лишь слегка изменили: переписали цвета одеяний, заменили украшения, а само место действия подернули туманной дымкой, лишая его узнаваемых черт.

Деревянный второй этаж старинного кабака утопал в многоголосом шуме и суете. За окном нескончаемой рекой катились повозки, сновала пестрая толпа — бурлила сытая, роскошная жизнь столицы. И посреди этого праздничного великолепия перед взором представал силуэт, который, увидев единожды, уже невозможно было предать забвению. На столе перед незнакомкой высились горы яств, от которых текли слюнки, а рядом покоился тяжелый меч — грозное оружие, способное вмиг остудить пыл любого наглеца. В этом образе дивно переплелись земная простота и отважный дух.

Просторные складки шелковой юбки обрисовывали соблазнительный изгиб бедер в тот самый неуловимый миг, когда дева собиралась обернуться. Тонкий стан казался хрупким, а летящие одежды, скрывая тело, лишь сильнее разжигали воображение.

В народе говорят, что истинная красота кроется в костях, а не в коже. И Хэлан воплотил эту мудрость на шелке с безупречным мастерством.

Злому богу Юаню не пришлось ничего выдумывать: достаточно было в точности воссоздать полотно. Это избавило его от лишних хлопот и позволило без малейших искажений перенести на холст чужого разума саму душу картины, явив ее Вэнь Кэ во всей первозданной прелести. В этом сновидении новоявленный владыка не мог пошевелить и пальцем. Он замер, замороженный, забыв, как дышать, и не смея сделать шаг навстречу.

Недосказанность была выверена до мелочей. Возникало дразнящее ощущение, будто таинственная незнакомка, подобно музыкантше, стыдливо прикрывающей лицо лютней-пипой, находится на расстоянии вытянутой руки. Она казалась живой, осязаемой, но в то же время сердце сжималось от страха: вдруг она обернется и тем самым разрушит хрупкое очарование грез?

Проще говоря, недостижимое манит сильнее всего.

Мужская натура порой дочерна глупа и упряма.

Пока дева скрывает свое лицо, она остается безупречным воплощением совершенства — тем самым идеалом, который созрел в потаенных уголках императорской души.

Очнувшись на драконьем ложе, император еще долго сидел неподвижно, пытаясь унять гулкое биение сердца. Раньше он считал своего предшественника и старшего брата, покойного Вэнь Хэна, безрассудным глупцом. Ну какой правитель бросит престол ради праздных странствий по пыльным дорогам, рискуя собственной головой? Однако теперь, если мир за стенами запретного дворца действительно таил в себе подобную красоту, Вэнь Кэ начинал смутно понимать мотивы покойного брата.

Впрочем, пока для него это оставалось лишь мимолетным ночным наваждением. Он не мнил себя древним князем Сяном, возжелавшим богиню горы Ушань. В его груди еще не тлело порочное томление или похотливое желание овладеть девой — лишь тихое благоговение перед чистым искусством.

Но разве мог Чи Нин позволить игре закончиться столь невинно? Ловушка для государя уже была расставлена, и первый винтик механизма пришел в движение.

Этим утром евнух Линь поднялся на удивление рано. Ему предстояло решить сразу несколько важных задач: устроить Чжу Ляна и гэера У Шэна в Малый Северный дворец и окончательно пристроить дух нефритовой шпильки, Цзи Цзань.

Полагая, что негоже перекладывать заботы на чужие плечи, Чи Нин решил привлечь к делу своего названного сына. К тому же подвернулся отличный случай разузнать, как историограф Су относится к столь дерзкому начинанию, как государственный переворот. Ради этого пришлось выдернуть молодого человека из Императорской школы евнухов, где тот должен был вести занятия. Только вчера у господина Су закончился законный выходной, так что отпроситься снова было делом непростым. Однако мелкие хитрости вроде обмена часами или поиска временной замены существовали во все времена.

Избавление от проклятия в Храме Бога Бракосочетания вышло причудливым и пугающим. И все же, когда вековое дерево с глухим стоном рухнуло на землю, Су Чэньинь ощутил, как с его плеч спали невидимые оковы. Душа его наполнилась чистой, давно забытой легкостью.

Давящая усталость и душный морок рассеялись без следа. Проклятая нить оборвалась раз и навсегда.

— Снова я заставил вас беспокоиться, батюшка, — негромко произнес молодой человек, склонив голову в изысканном и почтительном поклоне, приличествующем благородному мужу. Любое благодеяние он привык запечатлевать в памяти навечно.

Чи Нин пренебрежительно махнул рукой, не собираясь присваивать себе чужие лавры:

— Благодарю Сыту Вана и мастеров из Обители Сидячего Забытья. Если хочешь выразить признательность, собери скромные дары да отправь их в поместье генерала Сыту.

— Список подношений уже составлен, — спокойно возразил Су Лу. — Однако долг перед Сыту Ваном — это одно, а сыновнее почтение к вам, батюшка, — совсем другое. Не окажись рядом воинов генерала, вы все равно нашли бы способ вызволить меня. А вот без вашего заступничества я бы и вовсе не дожился до прихода праведников.

Он говорил искренне, и взгляд его ясных глаз оставался безупречно чист. Историограф отличался редким благородством, но глупцом никогда не был. Он видел чужие интриги насквозь, но из врожденной деликатности предпочитал помалкивать.

Под этим пронизательным взглядом Чи Нин едва не растерял всю свою напускную суровость.

— Поступай как знаешь, — буркнул он, отводя глаза, чтобы поскорее замять неловкий разговор.

Встретившись с Цзи Цзань, евнух решил не тратить время на пустые церемонии и сразу перешел к сути дела:

— Знаю, что ты спишь и видишь, как отомстить Цзи Сысюэ. Мне же как раз нужна статная девица, способная помочь в одном деликатном предприятии. Я укажу тебе дорогу наверх и помогу преодолеть первые ступени, но удержишься ли ты там — зависит лишь от твоей хватки.

Призрак нефритовой шпильки спрятал изумление за бесстрастной маской. Мысленно сопоставив факты, она решила, что после тех жутких событий в Дирекции императорских храмов Чи Нин обзавелся тайными покровителями из числа заклинателей, которые и указали ему на нее.

Взаимная выгода устраивала обоих. Девушка понимала, что евнух Линь до конца ей не доверяет, оттого и прощупывает почву. Если затея выгорит — прекрасно, если нет — евнух ничего не потеряет. Подобный холодный, расчетливый подход, лишенный лживого сочувствия, лишь укрепил ее уверенность в надежности союза.

— Я все поняла, — твердо ответила она. — И докажу на деле, что лучшего союзника вам не сыскать.

— Сгораю от нетерпения, — тонкие губы Чи Нина тронула едва заметная усмешка.

Разъяснив наложнице Хуа ее роль и порядок действий, он особо подчеркнул: в крайнем случае она может передать весть на волю через Су Лу. Однако, если все пойдет гладко, пересекаться с историографом ей не следовало. Разобравшись с этим, Чи Нин повел главу культа Чжу Ляна и юного У Шэна в недра Пурпурного запретного города.

Хотя наследник сиятельного князя Цзина, Вэнь Хуайгу, вряд ли решился бы на повторный фиктивный брак, евнух все же оставил последнее слово за ним. Как бы ни распорядился судьбой молодой господин наследник, у Чи Нина уже был припасен безупречный план, позволяющий уберечь каждого из заговорщиков.

— Благодетель... — У Шэн до сих пор плохо изъяснялся на столичном наречии. Потребовалась целая ночь уроков с Цзи Цзань, чтобы он сумел без запинки выговорить: — Все, что прикажете... исполню безропотно.

Чи Нин невольно засмотрелся на гэера. Взгляд прозрачных, чистых глаз юноши лучился столь первозданной искренностью, что заглянуть в них было все равно что коснуться хрустального

горного ключа.

Признаться, подобные люди пугали Чи Нина больше всего. Когда тебе открывают душу без остатка, как поднимется рука использовать доверившегося человека в дворцовой грязи? Евнуху пришлось мысленно повторить себе раз десять тысяч: «Ты безжалостный мерзавец, Чи Нин, не забывай об этом». Только умирив совесть, он обратился к юноше:

— Мне действительно понадобится твоя помощь. Возможно, это займет годы, а может, все решится за пару дней. Точного ответа я дать не могу. Ты согласен пойти на это?

Гэер плохо говорил, но понимал речь прекрасно. Он согласно кивнул, не раздумывая ни секунды. Для него долг перед Чи Нином был священен. Одно дело Чжу Лян — тот спас его однажды, и они сочлись, но евнух Линь сохранил жизнь целому племени. Такую милость невозможно переоценить.

Чи Нину безумно захотелось закрыть ладонью эти невинные глаза — ну откуда в человеке столько кротости? В груди евнуха вновь шевельнулось непреодолимое желание окружить этого сироту отеческой заботой. Но он вовремя одернул себя. Глупости в сторону, сейчас не время для сантиментов!

Прошел еще один день. Пока на утренних аудиенциях сановники с пеной у рта спорили о посмертных почестях для покойной матери государя, в глубине женских покоев началось долгожданное и волнующее событие — четвертый тур отбора невест.

Этот этап считался решающим: именно сейчас отбирали претенденток, из которых позже назовут трех победительниц. Случаи, когда решение меняли в последний момент, бывали крайне редки. Самые яркие и зрелищные состязания разворачивались именно теперь: игра на лютнях и цитрах, интеллектуальные партии в вейчи, каллиграфия и живопись. Но главным новшеством было то, что оценивать умения девиц прибыла лично вдовствующая императрица Юцинь в окружении знатных дам.

Чжу Лян и У Шэн благополучно заняли свои места среди кандидаток. Девушки, которых они временно подменяли, вели себя тише воды ниже травы, ничем не выделяясь и послушно держа головы опущенными. Подмена прошла без сучка и задоринки. Лишь немногие товарки ощутили смутное удивление, но глупые быстро выбросили это из головы, а те, кто поумнее, сочли внезапную рокировку чьим-то влиятельным покровительством и благоразумно прикусили языки.

Когда Чи Нин явился во Дворец Милосердия и Долголетия, чтобы сопроводить вдовствующую императрицу Юцинь, весь цвет императорского гарема уже томился в ожидании.

Придворные дамы разделились на два враждующих лагеря. По одну сторону стояли наложницы молодого государя под предводительством императрицы Лю. По другую — вдовы прежних правителей: престарелые наложницы усопшего императора Су и безутешные супруги пропавшего без вести Вэнь Хэна, чье положение при дворе до сих пор оставалось шатким и

неопределенным.

Оставшиеся не у дел супруги покойного государя ютились бок о бок с вдовствующими наложницами прежней династии. Они всецело зависели от милости великой вдовствующей императрицы, влача довольно унылое и двусмысленное существование.

Молодые обительницы гарема заискивали перед грозной госпожой Юцинь, прекрасно сознавая, что та никогда не подарит им искренней теплоты. Ведь старая владычица презирала самого их супруга, нового правителя Вэнь Кэ, так с чего бы ей жаловать его женщин? Это накладывало на лица наложниц печать вечной натянутости.

Оказавшись в покоях Дворца Милосердия и Долголетия, Чи Нин поежился. В воздухе царил такой холод, словно он забрел в ледник или, упаси Небо, в склеп.

Атмосфера была удушающей и натянутой до предела. Каждая из присутствующих лезла из кожи вон, сиюсь казаться безмятежной, что требовало изрядного актерского таланта. Сегодняшний день выдался особенно тяжким: императрица Лю сослалась на внезапный недуг и не явилась на утренний поклон. Все понимали, что почтенная вдовствующая госпожа в ярости от подобной дерзости, хоть и не показывает виду.

Евнух Линь мысленно обратился к своему невидимому спутнику:

«Похоже, слухи не врут и императрица Лю действительно носит под сердцем дитя».

«Именно так», — тут же отозвался злой бог. Он давно ждал этого вопроса и искренне не понимал, зачем Чи Нин тратит время на догадки вместо того, чтобы спросить напрямую у всезнающего божества.

«Мальчик или девочка?»

«Угадай сам», — ехидно фыркнул Юань. Божественная сущность оказалась на редкость злопамятной.

Чи Нин лишь мысленно усмехнулся и потер кончик носа, не став упрашивать капризного духа.

Юань отчего-то разозлился еще сильнее — теперь его не удалось бы задобрить даже мешком изысканных подношений.

Евнуху не осталось ничего другого, кроме как переключить все внимание на старую владычицу.

Миновало несколько месяцев с тех пор, как он видел госпожу Юцинь в последний раз. Тогда

Чи Нин, разбивая колени в кровь, часами молился на коленях перед воротами ее дворца. Он умолял поверить, что его наставник, евнух Чжан Цзинчжун, не предавал государя Вэнь Хэна. В те горькие дни, когда придворные наперебой сыпали проклятиями в адрес беглого Лань Цзетина и старого Чжана, Чи Нин питал слабую надежду. Он верил, что великая госпожа вспомнит былые годы, когда именно его учитель возвел безродную деву на престол, и защитит верного слугу от наветов. Или хотя бы не станет подливать масла в огонь.

Однако императрица так и не снизошла до встречи.

К замерзающему юноше вышел лишь доверенный слуга государыни, Ван Фугуй. Бережно подняв его с колен, он прошептал на ухо:

— То, что твой наставник сгинул вместе с почившим императором, — величайшее благо для него самого. Молчи и радуйся.

Позже, разузнав о судьбе тех слуг и евнухов, что не разделили участь пропавшего императора, Чи Нин содрогнулся. Безутешная мать выместила горе на каждом, кто приближался к ее сыну. Выживших жвали застенки и истязания, по сравнению с которыми смерть казалась избавлением. До сих пор никто не знал, уцелел ли хоть кто-то в тех казематах.

Чи Нин не винил ее за безумную скорбь по сыну. И все же... владычица даже на мгновение не допустила мысли, что Чжан Цзинчжун без колебаний отдал бы жизнь за молодого императора, случись надобность. Для нее преданность раба была вещью само собой разумеющейся, не стоящей благодарности. Это ранило Чи Нина в самое сердце.

Обижаться на сильных мира сего бессмысленно — у них своя правда. Однако с того дня Чи Нин усвоил жестокий урок: верность, которую нельзя выставить напоказ или пустить в ход с выгодой, гроша ломаного не стоит. Владыки переменчивы, и никто из них не станет хранить память о безмолвном самопожертвовании слуг.

Неужели старая госпожа забыла, сколько раз старый евнух спасал ее сына от гибели? Прекрасно помнила. Но это не помешало ей растоптать былые заслуги, ведь для нее он оставался безродным холопом, псом у ног господина. Так ради чего Чи Нину растрачивать жизнь на алтарь чужого величия? В тот миг, когда его подняли с колен у дверей Дворца Милосердия и Долголетия, он дал себе клятву: отныне единственным господином, чье благо его заботит, будет он сам.

Он возжелал лучшей еды, богатых шелков и безраздельной власти над людскими судьбами.

Сегодня императрица Юцинь предстала пред ним все такой же величественной и недостижимой. Некогда она была идеальной супругой, державшей в узде весь гарем, а ныне обратилась в железную правительницу, чей покой охраняли преданные стражи. Лишь седина у висков выдавала безутешную мать, но в остальном на ее челе не отражалось ни капли слабости. Ни улыбки на губах, ни жалости в холодном взоре.

Государыня властным жестом подозвала евнуха к себе, общаясь с ним с былой благосклонностью.

В этом жесте сквозила вся ее суть. Еще девицей, желая выделиться среди сотен претенденток на императорском отборе, она совершила неслыханную дерзость: объединила отцовский род «Ю» и материнский «Цинь», провозгласив себя госпожой Юцинь. Этот поступок прослыл верхом сыновней почтительности, обеспечив ей безграничную славу, а заодно и любопытство каждого встречного, кто спотыкался о столь диковинную фамилию.

Монархи редко утруждали себя разглядыванием девичьих лиц на портретах — чаще перед ними лежал лишь сухой список имен. И необычное, звучное имя могло решить судьбу девицы в одно мгновение. К слову, именно та давняя уловка вдохновила Чжан Цзинчжуна дать своему ученику звучное прозвище. Да и саму идею соединить два иероглифа в один благозвучный род когда-то подсказал будущей государыне именно старый Чжан. Он часто говаривал Чи Нину, что госпожа Юцинь всегда отличалась практичным умом. Именно за эту холодную расчетливость евнух и помог ей занять престол, рассчитывая на щедрую благодарность в будущем.

Увы, проницательный старик просчитался.

Особо умные люди чаще всего оказываются черствыми эгоистами. Они искренне верят, будто достигли вершин исключительно благодаря собственному гению, а потому не испытывают ни малейшей признательности к тем, кто мостил им дорогу.

Когда процессия во главе с Чи Нином приблизилась к склонам горы Уцзян, государыня внезапно замедлила шаг. В ее глазах промелькнула редкая для нее тень грусти, и она негромко произнесла:

— Когда-то и я стояла здесь в ожидании своей участи... И госпожу Цянь для моего мальчика мы выбирали на этом самом месте... Да и госпожу Лю тоже...

В одной этой фразе уместились три разные эпохи, три горьких разочарования, которые она привычно похоронила в глубине души.

— А теперь пришел твой черед распоряжаться здесь, Линь-Линь, — тихо закончила она. Раньше этим всегда занимался Чжан Цзинчжун.

Из уст столь суровой владычицы ласковое «Линь-Линь» прозвучало весомо. Придворные дамы тут же переглянулись, сообразив, что молодой евнух пользуется особым расположением.

Чи Нин мысленно восхитился дальновидостью покойного учителя — тот действительно зрел в самый корень. Напустив на себя самое преданное выражение лица, юноша почтительно склонился:

— Ничтожнейший раб уповает лишь на то, что Небеса даруют ему счастье служить вашему величеству до скончания своих дней.

Гора Уцзян была дивным уголком запретного города. Расположенная на стыке внутренних покоев и Малого Северного дворца, она славилась живописными видами и служила идеальным местом для проведения подобных торжеств. Тридцать пять прекрасных кандидаток уже чинно выстроились на помосте, готовые превзойти друг друга в изящных искусствах.

Многие из нынешних наложниц когда-то сами стояли на этих подмостках, трепеща от страха. Наблюдать за новой сменой с высоты своего нынешнего положения доставляло им немалое удовольствие, сродни триумфальному возвращению победительниц. Склоны горы остались прежними, но девицы на сцене были уже другими.

— Что ж, начнем, — прервала шепот наложниц государыня. С годами ее характер не утратил былой решимости, и она не собиралась разыгрывать добрую бабушку. Поманив пальцем Чи Нина, она велела: — Расскажи мне о них.

Специально для этого дня Чи Нин омыл свои одежды в настое целебных трав, источавших едва уловимый аромат успокаивающих благовоний. Он знал, что вдовствующая императрица годами страдала от мучительных головных болей, из-за которых не смыкала глаз по ночам. Забота, выраженная без лишних слов, тонкими полунамеками, всегда ценилась при дворе гораздо выше самой льстивой тирады.

Госпожа Юцинь действительно обратила внимание на этот жест и смягчилась:

— Приятно, что ты помнишь о моих недугах, Линь-Линь. Жаль только, аромат этот слишком терпкий и суровый, молодым он редко приходится по душе.

— Важнейшему рабу довольно и того, чтобы он нравился вам, матушка, — с поклоном ответил евнух.

— Ну что за ребячество, — государыня покачала головой, но на ее суровом лице впервые за утро промелькнула улыбка. Повернувшись к стоявшему рядом евнуху Ван Фугую, она добавила: — Погляди на него, сущий ребенок.

Все его прежние прегрешения — и юношеский пыл во Дворце Недеяния, и дерзкое коленопреклонение у дверей ее покоев — теперь милостиво списывались на неразумную молодость. Глупому дитяти прощались капризы, ему даровали право на ошибку и, что куда важнее, второй шанс заслужить доверие.

Чи Нин прекрасно понимал: государыня заговорила с ним ласково лишь потому, что осталась довольна его распорядительностью при подготовке к смотрам. Искусство угождать великим мира сего — наука изнурительная, но увлекательная. И евнух предавался ей со всей страстью, зная: чем больше сил он вложит сейчас, тем слаще окажутся плоды триумфа.

Наконец наступил черед творческих состязаний, и ледяное уныние в саду сменилось оживлением.

Глава культа Чжу Лян не стал утруждать себя заучиванием стихов и просто исполнил яростный, стремительный танец с обнаженным клинком. Старая государыня, отличавшаяся крутым нравом, всегда презирала жеманство. На фоне приторных песен и унылого треньканья прочих девиц воинственная пляска пришлась ей по душе. Чи Нин вовремя шепнул владычице, что именно к столь решительным натурам лежит душа молодого наследника Вэнь Хуайгу. Довольная государыня благосклонно кивнула и велела оставить жетон Чжу Ляна.

С гэером У Шэном возникли трудности: искусств он не знал, а демонстрировать высочайшим особам ядовитых гадов, с которыми умел управляться, было чистым безумием. В итоге паренек просто рухнул на колени перед тронem и затянул гортанную, протяжную песнь на диком южном наречии, не понятную ни одной живой душе во дворце. Чи Нин поспешил объявить это тайным ритуалом призывания благословения на императорский род.

Поймав умоляющий взгляд своего любимца, императрица Юцинъ величественно кивнула, велел зачесть и это выступление. Ее авторитет был столь непререкаем, что придворные дамы, секунду назад беззвучно открывавшие рты от изумления, тут же придали своим лицам глубокомысленное выражение. Каждый поспешил убедить себя в том, что южанка явила высокое искусство, недоступное пониманию простых смертных.

Ли Юй подошел к делу со всем тщанием. Скрывая мужскую суть под женскими нарядами с малых лет и пройдя суровую закалку в семейных распрях, он без труда очаровал судей. Чи Нину даже не пришлось вмешиваться — старая государыня самолично начертала одобрение на его табличке.

Хотя конечной целью отбора было назвать имена трех финалисток, после первых смотрин отсеивали далеко не всех. Обычно во второй тур проходила добрая половина претенденток — около семнадцати или восемнадцати девиц.

Цзи Сысюэ, кандидатка Чжэн и девица Чжао пустили в ход все свои чары и без труда пробились дальше, как Чи Нин и предполагал. А вот сестра императорского зятя У Эр и ее верная спутница Ваньвань отбор не прошли. И дело было вовсе не в недостатке талантов — барышня У заранее переговорила с Чи Нином и, заручившись его поддержкой, намеренно провалила испытание, чтобы покинуть дворец вместе со своей возлюбленной.

Государыня не вникала в девичьи тайны, сочтя отсеивание барышни У прекрасной возможностью продемонстрировать новому императору свою беспристрастность. Пусть Вэнь Кэ видит: даже для семьи покойного князя Шу она не делает поблажек и не собирается навязывать ему в невестки девиц из влиятельных кланов. Пускай этот жест не умирил бы подозрительность государя целиком, но он явно подчеркивал безупречную честность старой владычицы.

Добровольный уход У Эр поверг остальных кандидаток в крайнее изумление. Многие втайне

надеялись, что знатная барышня займет место законной супруги наследника, оставив им лишь доли — младших наложниц. Никто и помыслить не мог, что фаворитка отбора добровольно сойдет с дистанции в самом начале, да еще и прихватит с собой опасную соперницу Ваньвань. И впрямь, во дворце можно дожить до седых волос и не переставать удивляться людским причудам.

Цзи Сысюэ едва не задохнулась от досады. Знай она наперед, что главные соперницы покинут игру сами, ни за что не стала бы торопить дух нефритовой шпильки расправиться с Прекрасной дамой Чжэн. В итоге та уцелела и теперь пылала жаждой мести. Хоть глупая девица Чжэн и не представляла серьезной угрозы, хлопот она доставила немало. Стоило взглянуть на сегодняшний день: Сысюэ оказалась в полном одиночестве. Мстительная Чжэн Цяо успела нашептать каждой сопернице, что соперница-дева Цзи пыталась сжить ее со свету.

Подобное открытое пренебрежение со стороны товарок вовсе не делало в глазах умудренных дворцовых дам Сысюэ безвинной жертвой. Обитательницы гарема слишком хорошо знали цену женским слезам: для них девица, которую дружно избегал весь двор, была либо опасной интриганкой, либо безнадежной дурой, не способной ужиться с людьми. И то, и другое доверия не внушало.

Каждая из старых матрон прекрасно помнила, в каком террариуме прошла ее молодость. И все же, едва примерив чепец почтенной свекрови, они мгновенно заражались той же глупой мужской мечтой о «мирной и дружной семье».

Казалось бы, выбирая наложниц для собственного сына, вспомни, как сжималось твое собственное сердце, когда свекровь приводила в дом молодую соперницу. Разве так трудно проявить немного милосердия к невестке? Но нет. Пройдя извилистый путь от запуганной жертвы до всесильной мучительницы, эти женщины напрочь забывали о сострадании. Обратной дороги для них не существовало.

Цзи Сысюэ чувствовала, как почва уходит у нее из-под ног.

К ее счастью, жетон все же оставили. Обитательницы гарема Вэнь Кэ до сих пор пребывали в святом неведении, полагая, будто выбирают невест для наследника князя Цзина. Руководствуясь теми же мотивами, что и Чи Нин, благородные госпожи жаждали сотворить старому князю пакость и подсунуть в дом строптивую девицу. Тем самым они надеялись выслужиться перед государем, выставив себя на редкость добродетельными покровительницами, радеющими о счастье юноши. Оттого они и отбирали самых ярких, заносчивых и горделивых красавиц.

Глядя на этих недалеких, заикливых на мелких дрызгах женщин, Чи Нин впервые осознал истинную цену велению основателя династии брать в жены лишь девиц из простых благородных семей. Да, это уберегло престол от заговоров могущественных кланов и засилья алчной родни, но... расплатой за безопасность стала поразительная глупость обитательниц дворца. Подобными глупышками было до смешного легко вертеть.

Их миром правил мелкий эгоизм и страсть к интригам, а тех, кто умел смотреть в будущее и понимать законы большой политики, среди них отродясь не водилось. За целое столетие лишь одна вдовствующая императрица Юцинь сумела подняться над этой мышью возней — да и ту чиновники Внешнего двора в итоге загнали в угол. Благо это для государства или проклятие — не взялся бы судить никто.

На следующее утро претенденткам предстояло явить свое мастерство в каллиграфии, живописи и шитье. Наложницы оживились пуще прежнего. Наблюдать за чужими терзаниями, чувствуя себя победительницами в давно отгремевших битвах, доставляло им ни с чем не сравнимое удовольствие. Вдобавок их жизнь в четырех стенах была до того пресна и скучна, что даже страх перед грозной государыней не мог унять их извечную тягу к чужим секретам и сплетням.

Они защебетали, точно потревоженные воробьи на ветках.

— Линь-Линь, а эта кандидатка Линь пользуется успехом у подруг, верно? Погляжу, с ней все наперебой заговорить силятся.

— Линь-Линь, а что такое вышивает эта Чжу? Тебе не доводилось видеть подобного узора?

— Линь-Линь, а та девица часом не немая? Вчера лишь лопотала что-то несусветное...

— Линь-Линь...

— Линь-Линь...

Пожалуй, главным плодом этих смотрин для Чи Нина стало то, что обитательницы гарема вслед за великой госпожой повадились ласково звать его Линь-Линь. На него обрушилась лавина бесконечных расспросов и девичьих жалоб. Но евнух Линь виртуозно лавировал между благородными дамами: он умудрялся уделить внимание каждой, не давая повода для обид, и с легкостью распутывал самые нелепые их сомнения. Недаром при дворе гремела слава о его изворотливости.

Наблюдавший за этой суетой злой бог Юань откровенно забавлялся:

«А ты, я погляжу, пользуешься успехом у здешних прелестниц».

«Много чести, благодетель, у меня от их щебета уже голова раскалывается», — мысленно огрызнулся юноша.

Юань, однако, униматься не желал:

«Любопытно... Сколько я замечал, ваши безъяйцевые собратья, лишившись мужского естества, частенько все равно тянутся к бабам».

Чи Нин мысленно закатил глаза к самым небесам:

«Я равнодушен и к женщинам, и к мужчинам. И мое увечье тут совершенно ни при чем».

«Какое совпадение, — протянул злой бог. — Я тоже терпеть не могу людей».

<http://bllate.org/book/20385/2177900>